

Маршрутный лист по Мемориальной квартире Марины Цветаевой

Дом № 6 в Борисоглебском переулке – сердце цветаевской Москвы, самый значимый в судьбе поэта адрес – из тех, что сохранились до наших дней. Здесь молодая Марина Цветаева с мужем Сергеем Эфроном и двухлетней дочерью Алей сняла квартиру в сентябре 1914 г. и прожила в ней до мая 1922 г., до отъезда в эмиграцию. Богатая наследница, дочь известного ученого, основателя Музея изящных искусств, узнавшая первый литературный успех, Цветаева поначалу была тут счастлива и благополучна, успела ощутить себя хозяйкой и дома, и своей судьбы, но все перевернулось с началом революции. Оставшись без мужа, ушедшего в Белую армию, почти пять лет Цветаева выживала в условиях «военного коммунизма» и красного террора, борясь с нищетой, грабежами, голодом и болезнями. Силы противостоять хаосу и разрухе она черпала в своем даре, в непрерывной и всепоглощающей творческой работе и в своих природных свойствах – терпении, юморе, жизнелюбии. За годы, прожитые в Борисоглебском, Цветаева выросла в крупнейшего поэта, написала десять поэтических книг, опубликованных позднее, создала свои первые пьесы и прозаические эссе.

Доходный дом, построенный в 1862 г., заключал в себе две квартиры на первом этаже и две – на втором. Та, где жила Марина Цветаева, по удивительному совпадению отличается от прочих в доме причудливой планировкой, сочетающей уют старомосковских особняков и динамичность будущего модерна. Внутренние лесенки делят ее три уровня; везде разная высота потолков и количество окон, дверей, углов создают живое, изменчивое, пульсирующее пространство.

Цветаева с воодушевлением и тонким вкусом обставила и украсила первое свое настоящее семейное гнездо, воспела его в стихах и прозе.

После отъезда Цветаевой в Европу все квартиры в доме стали коммунальными. Множество людей десятилетиями жили в переполненных и перегороженных комнатах, стирая все следы присутствия поэта. Музей в расселенном и отремонтированном доме открылся лишь с окончанием советской эпохи, к столетию поэта в 1992 г., при содействии Фонда культуры во главе с академиком Дмитрием Лихачевым.

Четверть века спустя мемориальная квартира предстает в обновленном виде, ее нынешний образ – столь любимый Цветаевой белый лист, едва тронутый письменами. Ровная белизна стен открывает взгляду архитектурную уникальность полуторавекового дома. Сведенная к минимуму обстановка, в которой показаны, в первую очередь, личные вещи и типологические предметы, оставляет простор воображению и памяти.

Пространство мемориальной квартиры находится как бы в обрамлении, в оправе выставок с актуальным экспозиционно-художественным решением.

Впервые для посетителей открыта комната, в которой сначала жили гости, а позднее – прислуга. «Гостевая» – в этом слове соединяются первоначальноназначениекомнатыисодержание выставки, представляющей круг друзей и гостей Марины Цветаевой. Черная лестница – потайной выход – также впервые доступна для посещения. В трудные годы именно по этой лестнице Цветаева, в отсутствие прислуги и средств, сама носила с трудом добытые дрова, воду и скудную пищу. Быт и бытие – сквозной мотив движения сквозь мемориальное пространство, в котором синтез этих начал, подобный чуду, некогда осуществила Марина Цветаева.

Столовая

Застекленные двери вели из прихожей в столовую. Под потолочным окном – «световым колодцем» – стояла старинная мебель красного дерева в стиле ампир: круглый обеденный стол со стульями, диваны у противоположных стен, большой буфет с посудой. На стенах висели картины в багетных рамах, на полке большого, облицованного ониксом камина стояли часы в виде верблюда и бронзовый бюст Александра Пушкина.

Такой была обстановка до времен «военного коммунизма», когда она значительно обветшала и поредела. Жизнь семьи после революции концентрировалась в какой-нибудь одной из комнат, с 1920 г. это была в основном столовая. Теперь здесь топилась, вместо камина, железная маленькая печь «буржуйка» – частями деревянной мебели, которую Цветаева собственноручно пилила на дрова. Рядом с печью был стол, за которым обедали, и он же служил для поэтической работы.

Сегодня в интерьере гостиной среди предметов мебели XIX – начала XX в. представлены и мемориальные вещи. В горке – посуда из семьи Дурново-Эфрон и памятное блюдо, подаренное крестьянами Петру Дурново – деду Сергея Эфрона. Здесь же тарелка из немецкой гостиницы «Zum Engel», в которой дважды останавливалась Марина Цветаева. Старинная фарфоровая ваза на бронзовом основании была найдена на чердаке дома уже после его расселения, вместе с некоторыми другими предметами, принадлежавшими Марине Цветаевой и Сергею Эфрону.

Ампирный диван и «вольтеровское» кресло – предметы в цветаевском вкусе; небольшой восьмигранный столик в точности повторяет аналогичный на свадебной фотографии Марины и Сергея. На стенах – воспроизведения французских гравюр периода Первой империи, наполеоновской тематики, столь дорогой Цветаевой. Столовую украшают каминный экран XIX в. и посеребренные

вазы начала XX в. Над камином – фотопортрет отца Цветаевой, профессора Московского университета, основателя Музея изящных искусств (сегодня – ГМИИ им. А.С.Пушкина) Ивана Владимировича Цветаева в парадном мундире.

Музыкальная гостиная

Из столовой двери ведут в глубину квартиры, в проходную комнату с роялем. Некогда здесь стоял похожий инструмент, унаследованный Цветаевой от матери и отданный в 1920 г. времена за мешок ржаной муки. Нынешний рояль напоминает о своем предшественнике, создавая атмосферу комнаты – «музыкальной шкатулки». Над ним висит портрет Бетховена – такой же, как на фотографии юной Цветаевой за роялем в родительском доме в Трехпрудном. Эта проходная комната без окон соединяет сразу три помещения – столовую, детскую и комнату хозяйки. Портрет матери Цветаевой – Марии Александровны, в девичестве Мейн, отсылает к теме «Мать и музыка» и одноименной прозе, где поэт размышляет об истоках своего дара.

Комната Марины Цветаевой

Удивительная многоугольная, будто «граненая» комната служила и кабинетом поэта, и спальней, а порой – и гостиной для самых близких друзей. «Это была единственная на моей памяти настоящая мамина комната», – вспоминала Ариадна Эфрон. Нынешняя обстановка весьма

близко воспроизводит первоначальный облик комнаты. На тех же местах стоят предметы мебели и лежат вещи, подобные бывшим у Цветаевой. Большой письменный стол поступил в музей от потомков Михаила Фельдштейна – мужа веры Эфрон и друга Цветаевой. Он очень похож на прежний, подаренный отцом, Иваном Владимировичем Цветаевым, за которым было создано все самое значительное в доэмигрантский период – поэзия, проза, драматургия. Угловой шкаф хранит книги на французском и немецком языках, с детства родных Цветаевой; над ним – образ Богородицы «Взыскание погибших» – перед таким же венчались Марина и Сергей в январе 1912 г. На полу, как и когда-то, лежит волчья шкура, над лежанкой с подушками и покрывалом восточного шелка висит портрет Сергея Эфрона – копия подлинного, написанного художницей Магдой Нахман и ныне утраченного. В простенке, как и прежде, стоит шкаф-секретер, на нем – бюст раненой Амазонки, в нише у входа расположился граммофон. На стенах висят репродукции картин Михаила Врубеля, портреты Наполеона и его сына герцога Рейхштадтского – любимых героев юности Цветаевой; а также портреты ее старших современниц – французской актрисы Сары Берна и русской парижанки, художницы Марии Башкирцевой, чьим дневником зачитывалась Цветаева. Для полного сходства с прежним обликом комнате не хватает лишь старинной шарманки, венецианских бус, люстры синего

хрусталя и летучих строк, некогда написанных хозяйкой прямо на кремовых в розах обоях.

Детская

Самая большая и светлая комната в доме была отведена дочерям Цветаевой – Але и Ирине. Обстановка комнаты была частично унаследована из родительского дома в Трехпрудном переулке – большой серый ковер с вязью осенних листьев на полу и высокий книжный шкаф, в котором, кроме книг, хранились и игрушки. Вдоль стены стояли детская кроватка и большой сундук, служивший постелью няне. Обстановка детской была практически полностью утрачена в годы Гражданской войны, а сама комната какое-то время была необитаема: Цветаева не могла ее отопить.

Сегодня в детской представлены туалетный столик и зеркало Марины Цветаевой – единственные сохранившиеся мемориальные предметы мебели из этого дома. Высокий книжный шкаф, кровать-ладья и киот принадлежали Анастасии Цветаевой и переданы музею ее наследниками. В книжном шкафу хранятся не только издания из круга чтения Цветаевой, но и исторический труд ее дяди Дмитрия Цветаева «Царь Василий Шуйский», и сборник «Памяти В.М. Гаршина» из ее личной библиотеки – во владельческом переплете, с инициалами «МЦ» на корешке.

Большой сундук музей принял в дар от семьи Тарковских – примерно такой же служил некогда постелью няне детей. Нынешний сундук принадлежал Арсению Тарковскому, с которым Цветаева разминулась в Москве в начале двадцатых и познакомилась лишь в конце жизни, посвятив ему свое последнее стихотворение «Все повторяю первый стих».

В шкафу в глубине комнаты лежат старинные детские игрушки – как мемориальные (например, паровозик и негритенок, принадлежавшие Але), так и воспроизведенные: копия ее игрушки «Троице-Сергиева Лавра» в виде детских кубиков и факсимиле красочной «Азбуки» Александра Бенуа издания 1904 г. Кованая детская кроватка начала XX в., старинная люстра, игрушечная лошадка, изящная жардиньерка воссоздают обаятельную атмосферу детства, описанную в мемуарах Ариадны Эфрон. Пушистое чучело лисы напоминает о двух подобных лисичках, подаренных Цветаевой в Петрограде в 1916 г. и привезенных в Москву. Мех с чучел пришлось продать в голодные послереволюционные годы, а оставшаяся набивка из соломы и ваты долго висела над камином в столовой; закоптившись, она превратилась в своеобразный символ разоренного дома Цветаевой, ставшего, по ее словам, «берлогой – пещерой – трущобой».

Из детской следует вернуться в прихожую и повернуть налево, мимо уникальной афиши 1916 г. – вечера поэзии в Политехническом

музее – и акварелей Владимира Кудрявцева, реконструирующих облик дома поэта и Борисоглебского переулка в начале XX в. пройти к черной лестнице, ведущей из квартиры в цокольный этаж, и к лестнице в мезонин, где находились комната мужа, кухня, ванна и мансарда, обычно сдаваемая внаем.

Комната Сергея Эфрона

Обстановку дореволюционной поры составляли тахта, диванчик красного дерева, шкаф, буфет, маленький круглый столик и письменный стол у окна. На стенах висели гравюры с изображением любимых полководцев Сергея – Кутузова, Суворова, а также героев Севастопольской обороны адмиралов Корнилова и Нахимова. Окна в комнате располагались на разных уровнях. Из нижнего окна можно было выйти на плоскую крышу детской, обнесенную балюстрадой и служившую террасой. После ухода мужа в Белую армию Цветаева с детьми жила в его комнате в летние месяцы 1918–1919 гг. Тогда в ней появились «самовар, топор, корзиночка с картошкой – эти главные действующие лица жизненной драмы», по словам Цветаевой. В последний год перед отъездом верхний этаж квартиры уже не принадлежал ей и был заселен посторонними людьми.

Сегодня типологические предметы мебели воссоздают обстановку предреволюционной эпохи, последнего семейного благополучия на родине. Мемориальные предметы в комнате

– столик розового дерева из семьи Эфрон и чемодан в зеленом чехле из семьи Цветаевых. В книжном шкафу хранятся издания на немецком и французском языках, отражающие круг чтения Эфрона. Над диваном – портрет Сергея Эфрона с приятельницей семьи актрисой Верой Редлих, на этажерке – портрет старшей сестры Сергея Елизаветы Эфрон, слева от книжного шкафа – портрет юной Елизаветы Петровны Дурново, в замужестве Эфрон, матери многодетного семейства.